
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕЗЫ ИСТОРИИ

Э. С. КУЛЬПИН

УРОКИ ПЕТРОВСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: СОЦИОЕСТЕСТВЕННЫЙ ВЗГЛЯД*

В истории России было несколько модернизаций. Особое внимание уделяется преобразованиям Петра I. Были ли они успешными? Факт, что после первого императора была обеспечена конкурентоспособность страны на протяжении почти семи поколений, но не развитие. Поэтому в XIX веке пришлось осуществить новую трансформацию страны. Следствием Великих реформ XIX века стали революции и кровавая Гражданская война как условие и предпосылка дальнейших реформ. В советскую эпоху «догнать и перегнать Америку» не удалось. Как сделать нынешнюю модернизацию успешной?

Ключевые слова: *социоестественная история, модернизация, система основных ценностей, технологии, социальный договор.*

Непосредственным поводом для обращения к петровской модернизации с позиций социоестественной истории (СЕИ)¹, объектом которой является триединство *природа – технологии – ментальность* (Кульпин 2009; 2011), стала статья С. А. Нефедова (2011). Нефедов утверждает, что петровские реформы в том виде, как они проводились, связаны с огромными лишениями и были либо не очень нужны, либо вообще не нужны. Тяжесть реформ была следствием необузданного, неразумного, взбалмошного характера правителя. Народ же отвечал всеобщей ненавистью (Нефедов

* При поддержке РФФИ грант 11-06-00143.

¹ Социоестественная история является не теорией, а мировоззрением, синтезирующим представления и методы анализа как гуманитарных, так и естественных наук (см.: Кульпин 1995). Комплексный социоестественный анализ, не сводящийся к детерминизму любого рода: ни природно-географическому, ни экономико-технологическому, ни историко-жизнеописательскому, но соединяющий в триединстве природу – технологии – ментальность, позволяет получить более объемное представление о жизни как прошлого, так и настоящего.

2011: 53, 55, 57, 59, 60, 62). Действительно, характер Петра дает основания для подобного утверждения, хотя есть и свидетельства противоположного рода, когда устремленность царя к знаниям позволяла избежать больших неприятностей. Что же до ненависти, то все познается в сравнении. Ненависть к Петру не доходила до желания принципиального изменения режима правления, как это было до Петра (С. Разин), или бескомпромиссного свержения властной элиты без изменения режима после Петра (Е. Пугачев).

Хотя реформ без издержек не бывает, в России, в сравнении с другими странами, они всегда были чрезмерными. Но история не имеет сослагательного наклонения, и потому есть смысл поставить вопрос иначе: была ли необходимость модернизации, причем именно *такого* рода, продиктована ли она всем ходом предыдущего исторического развития или могла быть иной?

Модернизация не ограничивается технологиями. Она происходит во времени и пространстве (географической среде), а также в сознании людей и общественном бессознательном. Если игнорировать взаимосвязь между природой, технологиями и ментальностью, то получится только перечисление фактов и ничего более. При всем том, что, согласно теории культурных кругов, пусковым механизмом модернизаций обычно бывает необходимость заимствования передовых технологий, заимствования эти тогда успешны, когда вызывают цепь спонтанных дальнейших преобразований. Так, армия не существует сама по себе, а только как часть административной государственной системы. Армия эффективна, если эффективна не только государственная, но и социально-экономическая система; государственная система эффективна, если опирается на общество (или его ведущую часть) с определенной культурой; культура связана с ментальностью – фундаментальными основами представлений людей о мире и о себе. Относительно просто перенять новое оружие и методы ведения войны. Сложнее, но также возможно создать или реорганизовать военную промышленность, сложнее преобразовать ради интересов военной индустрии все хозяйство, общественно-экономическую и социальную структуру общества. Наконец, самая сложная задача – привести все в соответствие с традиционной системой основных ценностей или, если традиционная система является непреодолимым препятствием преобразований, трансформировать ее. В конечном счете слож-

ность (и цена) реформ зависит от соответствия или несоответствия традиционной системы основных ценностей новым технологиям. Как мне уже приходилось писать (Кульпин 2011), технология основного производственного процесса является зеркалом ментальности того или иного общества.

Процесс формирования системы основных ценностей российской цивилизации начался с момента создания Московского государства. Для того, чтобы понять суть петровских реформ, необходимо проследить процесс становления (принятия обществом) основных ценностей и увидеть отличия от европейской системы основных ценностей, которой на протяжении нескольких столетий наше общество пытается соответствовать. Безуспешность попыток многие пытаются объяснить тем, что Россия не Запад, а Восток.

Основные ценности европейской и китайской цивилизаций (см.: Он же 2009) сложились еще в античности. В России – в эпоху Петра I. Нынешний вид ценности европейской цивилизации приобрели в конце XIX – начале XX века. В Китае в настоящее время делается попытка заменить ценность вектора *стабильность* на *развитие*.

Таблица

Целостные системы основных ценностей Европы, Китая и России

	Европа	Россия	Китай
Ценность объект	Личность	Государство	Государство
Ценности 2-го уровня	<i>Свобода, равенство, солидарность</i>	<i>Социальный договор, служение, порядок</i>	<i>Мир, порядок, традиции</i>
Ценности 3-го уровня	<i>Труд, эквивалент (эквивалентный обмен результатами труда), частная собственность, закон (превыше короля)</i>	<i>Государственное регулирование, иерархия, знание</i>	<i>Иерархия, ритуал, знание (прошлое конфуцианское)</i>
Ценность вектор	Развитие	Развитие	Стабильность

В России становление государства и становление системы основных ценностей были взаимосвязанными и обусловленными как случайными обстоятельствами, так и всем ходом предыдущего развития. Государство образовалось в последней четверти XV века и в конце столетия оказалось сильнейшим по сравнению с соседями. Его существованию не было ощутимых угроз извне. Опасность появилась изнутри и шла не от общества, а от взаимоотношений человека и природы. Демографический рост происходил за счет хищнического отношения к природе. Крестьяне осваивали лесную целину и пахали ее, пока она давала урожай. Когда переставала давать, пашня забрасывалась и поднимался новый участок леса. Заброшенной пашни становится все больше, целины – все меньше. Со второй половины XV века сокращение резервов целины кардинально меняет условия жизни людей. Население уходит с «худой» земли, концентрируясь на «доброй». Начинается нарастающее укрупнение селений на «доброй» земле. Еще в середине XV века целины, т. е. рабочих мест, хватает для всех, и потому в документах нет ни слова о таких отлученных от производства социальных слоях, как холопы на пашне и бобыли².

Острый дефицит пахотной земли стал ощущаться в конце XV – начале XVI века и выразился в невиданном до и после того увеличении количества тяжб за землю. Тягались между собой все владельцы: крестьяне, бояре, монастыри и Великий князь. Когда стал нарастать дефицит пашни, возникла угроза существованию общества. Как всегда, выход был в применении новой, более производительной технологии или в поиске нового вмещающего ландшафта. Появились единичные хозяйства с теплыми конюшнями и коровниками, нужными для сбора удобрений. Именно у обладающих такими хозяйствами крестьян в то время фиксируется расширенное демографическое воспроизводство.

Вложения (труд и средства) в любое производство всегда и везде целесообразны при *свободном труде, частной собственности* (в данном случае на землю, плодородие которой частник заинтересован повышать). При этом труд и частная собственность должны

² Холоп на пашне – свободный крестьянин, добровольно продавший себя в рабство ради прокормления своей семьи. Бобыль – крестьянин, покинувший свое земельное владение по причине утраты плодородия почвы, безземельный, часто бездомный, короче говоря, средневековый аналог современного бомжа.

быть гарантированно защищены системой правовых отношений. Закон должен быть превыше короля (*государства*). Переход на новую технологию означал бы решение проблемы общества без помощи государства. Как же ведет себя государство, реально возникающее в Северо-Восточной Руси в последней четверти XV века?

В 1497 году принимается Судебник – первый после Правды Ярослава основополагающий правовой документ возникающего государства. Важнейшее положение нового правового документа звучит так: «*вся земля должна служить*». В этой формуле заложено несколько смыслов. Во-первых, объявляется, что «в доме хозяин» не личность, но государство. Во-вторых, не общество, но власть является законодателем: «закон не выше, а ниже короля». В-третьих, государство заявило, что главной обязанностью общества является *служение ему*. В-четвертых, государство ставит преграду на пути стихийного становления основного вида *частной собственности* – собственности на землю. В-пятых, блокируется возможность *интенсивного* развития, оставляется возможность лишь *экстенсивного*. Все вместе это означает приоритет основных ценностей, прямо противоположных ценностям европейской цивилизации.

Следует отметить, что становление государства происходило на фоне установления невиданных до того связей с Западной Европой, заимствования многих элементов европейской культуры, зримые свидетельства чего мы видим и сегодня в зубчатых стенах Московского Кремля, Грановитой палате, Успенском соборе. Но мы видим свидетельства заимствования именно культуры, но не важнейших элементов заново после античности утверждавшейся на Западе целостной системы основных ценностей.

В связи с Судебником возникают два вопроса. Почему государство, отнюдь не заинтересованное в конфронтации с обществом, предъявляет подданным ультиматум? И кому именно оно предъявляет этот ультиматум? На первый вопрос ответ давно известен. Государство не может существовать без аппарата, чиновничества, которому обязано платить за службу, а платить ему кроме как землей – нечем. В. О. Ключевский писал: «Успешным собиранием Руси Московской государь-хозяин приобрел один капитал: то были обширные пространства земли, пустой или жилой, населенной крестьянами. Только этот капитал он и мог пустить в оборот для обес-

печения своих служилых людей» (Ключевский 1988: 202). Иными словами, интересы государства вошли в противоречие с интересами общества.

К кому государство тогда обращалось? Подавляющее большинство населения еще недавно – целинники, мир крестьян, ощущающих себя если не в политическом, то в экономическом плане *личностями*, привыкшими полагаться только на самих себя, поднимающих целину тяжелым трудом. Но условия их жизни стремительно меняются. На явно невыгодный «вызов» со стороны власти общество не может дать немедленный и четкий «ответ». Нужно время для осмысления новых условий существования. Предложение от власти было окончательно принято (и именно как ультиматум, как условие возвращения Ивана Грозного на царство) в 1564 году в условиях изнурительной войны практически на три фронта: против недавно завоеванного, но еще бурлящего Поволжья, против Крымского хана с его ежегодными набегами, против Великого княжества Литовского, причем после перелома в Ливонской войне не в пользу Московии. Именно тогда был виртуально «подписан» *неформальный социальный договор о взаимном служении*: царь (государство) служит народу, народ – помещикам (слугам государевым), помещики – царю. Политическая ситуация принятия ультиматума исследована историками детально, чего нельзя сказать о социально-экологической, которую мы рассмотрим.

К середине XVI века четко обозначилось сокращение запашки, которое было вызвано тем, что распаханые лесные почвы малопродуктивны и после нескольких лет интенсивной эксплуатации сельскохозяйственное использование их становится бессмысленным. Восстановить плодородие истощенных лесных почв в то время можно было только одним способом: оставить в перелог, т. е. предоставить природе возможность самовосстановления. В нечерноземной зоне чаще всего срок перелога до полного восстановления – 150–200 лет. В XVI веке происходит исчерпание возможностей переложной системы. Наиболее ярко кризис проявился в центре государства. К 1585 году из общей площади недавних пахотных земель, достигших почти двух третей от всей площади будущей Московской губернии, лишь примерно 5 % (!) оставалось под пашней, все остальное – под перелогом. Глубина экономического кризиса выразилась в росте доли безземельных крестьян.

За полтора века (с начала XVI до середины XVII) удельный вес боярыней в общей массе зависимого населения вырос с нуля до 25 %, а местами достиг 40–50 %. В XVI веке иностранцы фиксировали массовое сокращение населения недавно еще густонаселенных областей.

Антропогенное давление на природу происходило во время климатической неустойчивости, связанной с переходным состоянием к холодному режиму Малого ледникового периода. Переходное состояние (как и в наши дни) означает рост стихийных бедствий, хронические недороды. Глубина экологического кризиса проявилась не только в оставлении в перелог истощенной земли, но и в заводнении и заболачивании земель. Известный русский ученый Ю. В. Готье отмечает для XVI–XVII веков явление, нехарактерное для предыдущих и последующих веков: «...езде, кроме ополей, обилие стоячих вод – болот и озер» (Готье 1937: 91).

В связи с дефицитом земли и ее национализацией *служение* выходит в ряд основных ценностей российского общества. Чем меньше становилось хорошей земли (или вообще земли) на душу населения, тем выше поднималась ее цена и тем выше становилась значимость служения единственному хозяину земли – государству. Государство же, закрыв возможность интенсивного развития сельского хозяйства, могло предложить населению лишь экстенсивное – введение в хозяйственный оборот земель, находящихся за пределами государства. В середине XVI века было присоединено Поволжье и началось присоединение Ливонии, которое закончилось безрезультатной, но длительной и изнурительной войной. Именно в ходе этой войны состоялось неформальное заключение *социального договора* о взаимном служении. Ключевский писал, что царь потребовал и получил полицейские полномочия.

Экстенсивное развитие нашло народное выражение в поиске Беловодья – сказочной плодородной земли. Выполняли социальный заказ люди, ценившие свободу и не желавшие жить в полицейском государстве, – казаки. Они появились как массовый социальный слой сразу и как бы из ниоткуда и стали первопроходцами движения России на восток. Инициатива в присоединении новых земель на востоке, и это следует особо подчеркнуть, принадлежала, начиная с Ермака, не государству, но обществу, первопроходцам, инициативным личностям, выполнявшим социальный заказ обще-

ства. В процессе присоединения Сибири у общества, по крайней мере теоретически, был шанс самостоятельно решить проблемы жизни, без государства, за счет собственной самоорганизации на той земле, которая кормит и принадлежит только колонистам. В таких условиях, как показывает история, происходит переоценка ценностей, возвышение ценности *личности*, соответственно снижение ценности *государства*. В истории России это был шанс на «пересмотр» системы основных ценностей, на утверждение приоритета личности над государством. Иными словами, в XVI–XVII веках шел поиск возможности жизни, в которой среди представлений людей о мире и о себе главными ценностями были бы *личность* и *развитие*. Со времени Ивана Грозного Россия за сто лет доходит до Аляски. Выход к Тихому океану – завершающая временная часть социально-экологического кризиса, который можно датировать 1500–1650 годами.

Повсеместные неурожаи, «глад и мор великий» 1601–1603 годов и сама Смута не могли остановить процесс непрерывного продвижения на Восток: в 1601 году основывается Мангазея, в 1604 – Томск, в 1607 – Туруханск, в 1628 – Красноярск, в 1632 – Якутск, в 1646 – Охотск, в 1651 – Албазин. Но новые земли не дают хлеба – наоборот, русское население в Сибири долго приходится кормить хлебом европейской части России. Особый натуральный налог – «сибирский хлеб» – отменяется лишь в 1683 году, через сто лет после покорения Сибири Ермаком. Россия «перешагнула» через океан в поиске пашенного Эльдорадо, но так его и не нашла. Нерчинский договор с Китаем 1689 года стал незримым рубежом, за которым надежды на решение проблем существования за счет экстенсивного развития, надежды на *сказочное Беловодье*, столь значительные в русском общественном сознании и коллективном бессознательном, окончательно перешли из области реалий в разряд мифов.

Начало XVII века – эпицентр социально-экологического кризиса, т. е. политического, экономического и экологического одновременно. Смута – безгосударственное время, время отсутствия *порядка*. Самостоятельно общество установить порядок не может, именно поэтому ежегодно собиравшиеся после Смуты соборы *всей земли* утверждают не что иное, как *самодержавное государство*, шаг за шагом осуществляющее закрепощение крестьян. Единст-

венный социальный слой, оказавшийся способным на самоорганизацию, – горожане, – во власть не вошли и также были закрепованы, а в правление второго Романова – Алексея Тишайшего – выпуском медных денег разорены почти полностью (афера правительства, известная как «медный гиль»). С этого времени развитие могло осуществляться лишь на государственные средства, а все ценности, характерные для свободного предпринимательства, призвана была заменить одна – *государственное регулирование*. Оно необходимо тогда, когда не действуют экономические принципы жизни. А чтобы эти экономические принципы действовали, общество должно иметь достаточную частную материальную, интеллектуальную собственность, финансовый капитал, должен сложиться единый хозяйственный, экономический организм, регулируемый рынком и охраняемый законом.

Закрепование крестьян и разорение третьего сословия в XVII веке лишило общество энергии и инициативы, необходимых для общественно-экономического развития. Не отыскав пашенного Эльдорадо, общество не получило возможности самостоятельно решить главную проблему – жизнеобеспечения, что безальтернативно означало, с одной стороны, необходимость по-прежнему делегировать право принятия главных решений наверх и окончательно утвердить *государство* как ценность № 1, с другой – банкротство *экстенсивного* развития. Народ был готов к изменению сути второй по значимости ценности российской цивилизации: принятию ценности *интенсивного* развития.

Переход на интенсивное развитие в условиях государственного регулирования осуществил Петр I. Общество фактически дало ему карт-бланш на преобразования, как раньше – Ивану Грозному. Однако это был уже иной карт-бланш. И при Иване, и при Петре обществу, потерпевшему крах в собственных усилиях решить проблему жизнеобеспечения, не осталось ничего иного, как заключить неформальный *социальный договор*, в котором *государство* признавалось в качестве главной ценности и ему делегировалось право принятия главных решений. Однако условия, в которых перезаключался социальный договор в конце XVII – начале XVIII века, были принципиально иными, чем в середине XVI века. *Главной проблемой общества было уже не физическое выживание этноса, а обустройство жизни «не хуже, чем у других»*. Хотя климат не

изменился в лучшую сторону – продолжался Малый ледниковый период, но демографический рост остановился, излишнее население покинуло землю, неспособную родить, а старопахотная земля начала восстанавливать плодородие, богатство России «приросло Сибирью». Общество продемонстрировало способность самостоятельно решать проблемы с самоорганизацией городов в Смуту и экстенсивным движением на восток казачества. В этих условиях государство должно было четко обосновать свою необходимость для общества, обозначить не просто общую цель, но и конкретные пути достижения ее, приемлемые для всех социальных слоев, осуществлять интенсивное развитие только в условиях высокой ценности *знания*, а при крайней инфантильности общества заменить ценности, действующие в развитом обществе – *труда, эквивалента, частной собственности и закона*, – *государственным регулированием* социально-экономических отношений.

Как известно, в петровское время интенсивное развитие нашло свое выражение в усвоении профессиональных европейских знаний в невиданных до того масштабах, воплотилось в мощной государственной промышленности, в реформе алфавита, упрощающей древнеславянскую азбуку, открытии Академии наук в Санкт-Петербурге, академического университета и гимназии, в основании первой в России научной библиотеки – Библиотеки Академии наук, первого Ботанического сада и многом другом.

Государство в принципе могло действовать, только опираясь на те ценности, которые уже не подвергались обществом сомнению, и, поскольку реформы происходили во время войны, требовавшей максимального напряжения для всего общества, поставить народ в условия военной дисциплины. Однако оно могло внести (и внесло) коррективы в смысловое наполнение ценностей и создать предпосылки для перехода к иным взаимоотношениям общества и государства, но прежде всего блокировать возможность сопротивления переменам.

До петровских реформ в условиях состоявшегося ранее закрепощения крестьянства (с 1592 года – запрещение выхода крестьян в Юрьев день) и горожан (с 1649 года – закрепощение посадского населения) дворяне были единственным социально, экономически, политически организованным сословием, к тому же военным. Эту страту Петр I лишил возможности действовать в своих интересах и,

что самое главное, против интересов других слоев населения, народа в целом и государства роспуском в 1699 году специфической формы самоорганизации дворянства – дворянского ополчения и в 1700 году – Боярской думы. Священнослужители при Петре I становятся государственными чиновниками. В 1721 году утверждается Регламент Духовной коллегии; отменяется патриаршество и учреждается Синод, формально заменивший Освященный собор. Священный синод, управляющий делами церкви, становится одним из государственных министерств. Вся земля при Петре де-факто принадлежит государству, в том числе и церковная, на что безуспешно посягал Иван III и не посягал Иван Грозный. В 1701 году учреждается Монастырский приказ, взявший под свое управление все церковные имения (патриаршие, архиерейские и монастырские) со всеми принадлежавшими им крестьянами. Священнослужители живут на жалованье государства, вводится принудительное бесплатное обучение для детей священников и дьяконов.

Все дворяне также становятся государственными служащими. Они были призваны нести бремя главной, но не *коллективной*, как прежде, а *индивидуальной ответственности* каждого за свое рабочее место, за преобразования на нем. При этом количественно и качественно состав дворянства менялся. Каждый второй дворянин эпохи Петра не был таковым по происхождению. Как пишет Б. Н. Миронов, «в петровское царствование дворянский корпус расширил свои ряды на 146 тыс. вследствие того, что государство (в связи с преобразованиями, непрерывными войнами, ростом бюрократии) призвало на военную и гражданскую службу тысячи людей из податных сословий, которые по Табели о рангах 1722 года превратились в дворян, ибо каждый офицер приобретал потомственное дворянство, а каждый классный чиновник – личное, начиная с 8 класса – потомственное» (Миронов 1999: 130). Возможность стать дворянами – сиречь государственными служащими – была открыта для всех слоев населения. Критерий был единственным и не связанным с социальным происхождением – *профессиональные* знания. В 1701 году с этой целью были открыты в Москве Школа математических и навигацких наук и Артиллерийская школа, затем другие учебные заведения. Дворяне, не прошедшие обучения в военном училище, не могли получить офицерский чин; неграмотные дворяне не допускались к государственной службе.

С 1715 года более чем в 40 городах были созданы государственные бесплатные начальные («цифирные») школы. В эти школы принимались дети всех сословий, но для дворян обучение было обязательным.

«Железным каркасом» преобразований стала петровская армия, которая с 1705 года впервые в истории Европы создавалась путем обязательной воинской (рекрутской) повинности. На службу принимались лица *всех податных состояний* в возрасте от 15 до 20 лет, «здоровые и в службу годные». Таким образом, с одной стороны, это была профессиональная армия с неограниченным для всех сроком службы, с другой – всенародная, поскольку формировалась из представителей всех социальных слоев общества, с третьей, будучи новообразованием, полностью подчиненной государству, собственно государством и являющейся. В отличие от других социальных слоев все дворяне были обязаны нести государственную службу, военную или гражданскую, начиная с 15 лет, но, как и представители других социальных слоев, непременно с самого низшего ранга в армии – с солдата. Служба была бессрочной – до болезни или смерти. В армии все слои населения были уравнены в наказаниях. За нарушение государственной службы дворянин мог быть подвергнут такому же наказанию, как и представители других социальных слоев. Государство предоставляет дворянину землю только за службу и с 1714 года вводит *единонаследие* дворянских имений. Только один старший сын дворянина получает землю и имеет помимо жалованья за службу доходы от земли, а остальные должны существовать только за счет службы государству за жалованье или с предпринимательства.

При Петре *иерархия служения* наполняется новым *меритократическим* содержанием, формальным выражением которого стала Табель о рангах – единая система из 14 чинов. Раньше место в иерархии определялось происхождением, теперь – не происхождением, но рангом, который может и должен возрастать с длительностью и добросовестностью *квалифицированного* служения государству.

Пожалуй, основным аргументом в пользу принятия обществом *государства как главной ценности* был ярко выраженный при Петре I патерналистский и меритократический характер власти с элементами демократии, как это ни парадоксально звучит. На первый взгляд данное утверждение находится в вопиющем противоречии с

известными историческими фактами, прежде всего полным закрепощением всего народа. Миронов констатирует: «Крепостничество... в суровых формах... означало лишение человека большей части личных прав, а также и права владеть собственностью и совершать от своего имени гражданские сделки, другими словами, быть субъектом гражданского права, что приближало юридический статус крепостного к статусу раба... при первом императоре государственное закрепощение дворянства, как и других состояний, достигло своего апогея» (Миронов 1999: 361, 362).

В царствование Петра I царь распоряжался не только земельной, но и движимой корпоративной или личной собственностью своих подданных, а также их трудом. Кажется, что при таких обстоятельствах невозможно говорить о демократии, а о патернализме можно только в виде патриархального рабства. Однако безукоризненный формально-юридический вывод имеет мало общего с действительностью. Демократическое общество в экстремальных ситуациях, например войны, может почти беспредельно ограничивать идеологические, политические, экономические и социальные права индивидов и не переставать быть демократическим. Демократический характер общества проявляется тогда не в формальных свободах, а в ином: во-первых, в реальном доступе всех слоев населения к процессу принятия принципиально важных решений на локальном уровне, социальной мобильности, и, во-вторых, в блокировании возможностей узурпации власти каким-либо одним социальным слоем.

В ходе петровских преобразований отнюдь не целенаправленно, а спонтанно, методом проб и ошибок и отнюдь не в сфере сознания, а в области общественного бессознательного была сформирована целостная система основных ценностей российского общества, в которой ценностями первого порядка стали *государство* и *интенсивное развитие*, второго – *неформальный социальный договор*, *служение и порядок*, третьего – *государственное регулирование*, *иерархия*, *знание*. Специфической особенностью этой системы было то, что она доказала свою эффективность в условиях ***всеобщей мобилизации военного времени*** и нуждалась в трансформации для мирного времени. Реформы Петра I стали результирующей как интересов, так и представлений о мире и о себе если не всех слоев общества, то подавляющего большинства. То, что Петр дей-

ствовал спонтанно, шаг за шагом неявно «испрашивая» у общества согласия на преобразования, позволяет говорить, что шел процесс не только организации, но и самоорганизации общества, поскольку результатом самоорганизации становится возникновение чего-то нового, и это новое порой качественно отличается от того, что его породило.

Что же было достигнуто в результате реформ, а также Северной войны и как преобразования могли продолжаться?

В результате Северной войны было достигнуто главное для модернизации и ее дальнейшего развития: победа над страной, которая препятствовала России в установлении эффективных контактов с Европой. В то время водный транспорт был не только самым дешевым (каковым остается и теперь), но и самым быстрым. Не имея выхода к Балтике, Россия могла осуществить быструю технологическую перестройку, но не закрепить ее. Трудно согласиться с утверждением С. А. Нефедова: «В действительности Россия давно имела “окно в Европу”; этим окном был Архангельск, который даже после постройки Петербурга долгое время оставался основным русским портом» (Нефедов 2011: 56). Россия, технологически отставшая от Европы, во время Малого ледникового периода не могла эффективно использовать для связи с ней единственный, к тому же большую часть времени года не функционирующий, замерзающий порт. Даже сегодня в Архангельске безморозный период длится полгода – с мая по октябрь, а среднегодовая температура составляет $+1\text{ }^{\circ}\text{C}$ ³. Тогда же морозы стояли от 7 до 9 месяцев. Сегодня за счет ледоколов порт может работать круглый год. Тогда ледоколов не было. Кроме того, зимовать кораблям в Архангельске бывало небезопасно. В 1695 году в лед вмерзло 35 кораблей, после этого часть их них вышла из строя (История... 2007: 73).

После этой победы в ближайшем окружении России не осталось государств, которые могли представлять для державы угрозу в течение уникального по длительности исторического времени. С 1721 года и до нашествия Наполеона в 1812 году никакая страна Европы или коалиция стран не покушались на независимость Российского государства. Весь вопрос был в том, как России распорядится столь уникальной возможностью, доставшейся за счет нема-

³ См. статью об Архангельске в «Википедии». URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C0%F0%F5%E0%ED%E3%E5%EB%FC%F1%EA>

лых жертв, – продолжит или свернет реформы? Здесь нужно рассмотреть следующие моменты: куда были направлены реформы, в чем их незавершенность, какие возможности они открывали.

Всеобщее крепостное состояние во время войны – ситуация естественная, после войны – неестественная. От полного закрепощения – равенства бесправия – к полному раскрепощению в условиях авторитаризма путь мог быть и не столь долгим. Предпосылки для освобождения всего населения при Петре I содержатся в реальном доступе представителей *всех* слоев к процессу принятия принципиально важных решений на локальном уровне (предпосылка самоорганизации общества), а также в блокировании возможности узурпации власти каким-либо одним социальным слоем. Дворянство лишено сословных привилегий, они заменены личными. Новое дворянство стало таковым за счет личных заслуг. Вход (вертикальная мобильность) во дворянство был открыт для всех слоев населения. Выход также практиковался. «Например, в 1711 году 53 офицера, не явившиеся после отпуска в полк в Киевскую губернию, были лишены поместий, а их жены с детьми были выселены из имений. По указу 1720 года дворянам, уклоняющимся от службы, грозили наказание кнутом, вырывание ноздрей и вечная каторга. Военная служба была настолько тяжелой, что некоторые дворяне предпочитали записываться в купцы или даже в крестьяне, чтобы только от нее избавиться» (Миронов 1999: 362).

Был сделан первый шаг к сокращению крепостной зависимости крестьян от помещиков, выразившийся в единонаследии, и от церковных иерархов: перевод священнослужителей на заработную плату от государства. В 1719 году права дворян на крестьян и их труд были ограничены. Следующий шаг – освобождение крестьян от помещиков – перевод госслужащих на денежное довольствие. Такой возможности не имел Иван III, у которого не было денег, а был один капитал – земля. Эта возможность, если не у Петра (а возможно, и у Петра), то у следующих властителей, без сомнений, появляется за счет экономического подъема и торговли, прежде всего внешней⁴. Для этого власти было достаточно сохранить

⁴ Здесь достаточно сказать, что только казенная торговля с Китаем (отнюдь не главным торговым контрагентом России) существенно пополняла казну и тем самым снижала налоговое бремя населения России. «Прибыли, полученные от торговой экспедиции 1710 г. в Китай <...> позволяли закрыть половину всего бюджетного дефицита страны за 1710 г. До-

достижения военного времени, освободить крестьян от власти помещиков, предоставить всем слоям населения равные **экономические** права и гарантировать их соблюдение законом, что позволило бы перейти к европейской системе ценностей. Думал ли об этом Петр, неизвестно. Поскольку он был за всеобщую европеизацию, то логика развития могла бы подтолкнуть его действовать в этом направлении. Внезапная смерть самодержца поставила общество перед выбором пути эволюции. К этому инфантильное общество было не готово. Обновленное дворянство блокировало переход к европейской системе основных ценностей (при переходе сословия к европейской культуре), восстановив по сути (хотя и не по форме) допетровские отношения государства и общества.

Имеет смысл рассмотреть основные вехи этого процесса. В соответствии с духом петровского *социального договора* в 1719 году права дворян на крестьян и их труд были ограничены. Помещики стремились расширить свою правоспособность и ограничить правоспособность крестьян и других слоев населения. В 1730 году был отменен указ 1714 года о единонаследии. В 1737 году срок дворянской службы был сокращен с пожизненного до 25 лет, а дворянские недоросли освобождены от обязательного школьного обучения. С 1679 по 1731 год государство непосредственно собирало налоги со всего населения путем подворного обложения. В 1731 году помещики получили право на сбор подушной подати со своих крестьян, т. е. устранили прямую фискальную связь государства с основной частью населения. В 1741 году была разорвана символическая прямая политическая связь крестьян и власти: отменена присяга помещичьих крестьян на верность вступающему на престол государю. С 1746 года привилегия покупать крепостных закреплена за дворянами, другим сословиям покупка крепостных была запрещена. В 1760 году помещикам было разрешено ссылать крестьян в Сибирь на поселение с зачетом их за рекрутов. Иными словами, государство передало часть своих функций по системе наказаний. С 1761 года помещики лишили крестьян экономической правоспособности: помещичьим крестьянам было запрещено выдавать век-

ход от поездки 1712 г. мог обеспечить всю деятельность тогдашнего российского Генерального штаба на протяжении двух с половиной лет. Только три каравана (1706, 1710, 1712 гг.) в совокупности принесли средства, равные почти 20 % общих годовых расходов на полное содержание сухопутной армии и ВМФ (300 тысяч человек) воюющего российского государства» (Григорьева 2002: 212–213, см. подробнее: Она же 2000, гл. 3).

селя и вступать в поручительство. С 1765 года помещики получили право ссылать крестьян за проступки на каторжные работы. Жалованная грамота 1785 года закрепила за дворянством монопольное право владеть землей и крепостными. В целом преобразования были направлены на *приватизацию прав государства одной социальной группой общества*.

Именно этот «откат» обесценил петровские реформы, огромные жертвы общества.

* * *

В чем же глубинная причина неудач модернизаций в нашей стране? Развитие может идти с переходом к новой системе основных ценностей или с сохранением системы основных традиционных ценностей той или иной цивилизации и заимствованием лишь элементов культуры европейской цивилизации, что мы наблюдаем ныне на примере Китая, Японии, Юго-Восточной Азии. Мы видим, что догоняющие азиатские цивилизации успешны. Но пока это – *догоняющие* модернизации. Ясно, что модернизация тогда успешна, когда из догоняющей она становится опережающей, т. е. не только заимствующей, но и генерирующей идеи. Возможно ли это в принципе без восприятия европейской системы основных ценностей? История не дает ответа на этот вопрос. На что же она дает ответ? Она позволяет понять, при каких условиях возможна догоняющая модернизация. А какое тут место занимают теория культурных кругов и технологическая интерпретация истории? Они являются частью целого. Как в прошлом, так и сейчас в ситуации жизни или смерти российское общество и государство согласно данной теории стоят перед необходимостью свершения опережающей модернизации.

Литература

Готье, Ю. В. 1937. *Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси*. М.: ГСЭИ.

Григорьева, Е. А.

2000. *Российско-китайские отношения второй половины XVII – первой четверти XVIII века в контексте развития внешнеполитической доктрины империи Цин*: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород: НГУ.

2002. К вопросу о взаимосвязи европейского и дальневосточного направлений во внешней политике России II половины XVII – I четверти

XVIII в. В: Кульпин, Э. С., *Природа и самоорганизация общества*. Серия «Социоестественная история». Вып. 22. М.: Московский лицей, с. 210–213.

История катастроф государства Российского в летописях, исторических очерках и официальных изданиях. 2007. *Основы безопасности жизнедеятельности 7–8* (спец. выпуск).

Ключевский, В. О. 1988. Соч.: в 9 т. Т. 2. *Курс русской истории*. М.: Мысль.

Кульпин, Э. С.

1995. *Бифуркация Запад – Восток. Введение в социоестественную историю*. М.: Московский лицей.

2009. *Восток. Природа – технологии – ментальность на Дальнем Востоке*. 2-е изд., доп. М.: ЛИБРОКОМ.

2011. Технологическое зеркало общества. *Историческая психология и социология истории 1*: 124–141.

Миронов, Б. Н. 1999. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)*: в 2 т. Т. 1. *Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*. СПб.: Дм. Буланин.

Нефедов, С. А. 2011. Петр I: блеск и нищета модернизации. *Историческая психология и социология истории 1*: 47–73.